

Плей-лист

Chromeo – Don't Turn The Lights On

Bruno Mars – Upside Town Funk

Bruno Mars – 24k Magic

Ryan Gosling & Emma Stone – City Of Stars

The Weeknd feat. Daft Punk – I Feel It Coming

Michael Jackson – Rock With You

IOWA – Твои стихи, моя гитара

Uma2rmanH – Белокурая бестия

Quest Pistols – Ты так красива

Кино – Мальш

Chromeo – Jealous

*Это история парня и девушки.
История любви? Не уверена.
Ненависти? Тоже вряд ли.
Хотя...*

Все началось обычным весенним днем. Я проспала. Открыла глаза, еще даже не догадываясь ни о чем, лениво потянулась и вдруг поежилась от холода. Апрельский ветерок ворвался в форточку, заставив трепетать тонкие розовые занавески и принеся с улицы прохладу с запахами талого снега, прелой травы и свежей выпечки.

Выпечки? Какого черта?!

Булочная на первом этаже нашего дома открылась в восемь утра. Часам к девяти запах булочек с корицей, пышной сдобы и ржаного каравая с тмином обычно добирался до моих окон. Я подскочила на постели, пытаюсь разлепить глаза. Дотянулась до моби́льника. Тот лежал на краю тумбочки и не подавал признаков жизни. Зарядного устройства, которое подключала вчера вечером, тоже нигде не было видно.

Так и оказалось — телефон сдох.

Я упрямо таращи́лась в темный экран, пытаюсь разглядеть цифры, которых там и не должно было быть. Аппарат был выключен. Сел, отрубился еще вчера. И, кажется, я знала, кого нужно было за это благодарить: братца-кролика — точнее, просто братца, мирно храпящего за стенкой.

Соскочив с кровати, я запрыгнула в старые рваные джинсы, неуклюже натянула любимый свитшот

с изображением ребят из «Chromeo» и пулей понеслась в мамину комнату. Большие часы на комодке показывали половину десятого. Половину, мать его, десятого...

— Нет! Нет! Нет! — вырвалось с досады.

Шучу. Просто одно «нет» и пара крепких ругательств. Я ж вам не хрупкая героиня любовного романа. Но о моем искусном владении нецензурной лексикой знает лишь брат — все крепкие словечки обычно предназначаются ему. И заслуженно: он балбес, каких еще поискать.

Как я его терплю? Мне просто некуда деваться. Живем на одной территории, да и люблю я его — чего тут скрывать. Мы, как-никак, близнецы. Ну, то есть двойняшки.

Но то, что он забрал вчера мое зарядное без спроса, лишив и средства связи, и будильника, не прощу. Зря, что ли, корпела над учебниками до ночи? Готовилась к такому важному зачету. А он, тупица, все испортил очередным своим глупым разгильдяйским поступком.

— Ну и гад же ты, Пашка! — громко выкрикнула я, пнув дверь в его комнату.

— Отвали, сурикат, — буркнул брательник, перевернувшись на другой бок.

И накрылся одеялом с головой.

— Сейчас ты у меня за все ответишь! — хлопнула дверь я и побежала собираться.

Ненавижу это прозвище. Обидное и жалкое. Прилипло ко мне в университете в прошлом году. Почему сурикат? Нет, не потому, что я, сложа лапки, вечно осматривалась в поисках опасности, словно маленький зверек.

Все из-за фамилии — *Сурикова*.

Нормальная фамилия, скажете вы, и только извращенцу могло прийти в голову придумать такое произ-

- Заставь меня влюбиться -

водное от него, как сурикат. Но, к сожалению, у меня в группе учатся одни недоумки, которым нечем больше заняться, кроме как выдумывать прозвища и дразнить изгоев. Хотя нет, я не изгой, я — *невидимка*.

И до сих пор не стала объектом их издевательств только потому, что веду себя неприметно. Ботаники, неформалы — всем достается от кучки задавак, считающих себя элитой нашего универа. Но меня они пока не трогали. У нас с ними вроде как негласный договор: я делаю вид, что их не существует, они не замечают меня, и все довольны.

Когда все это началось? Пожалуй, еще на первом курсе.

Не сказать чтобы тогда это меня сильно беспокоило. В школе я ладила со всем классом, врагов у меня не было, а в друзьях числилось несколько довольно приятных девочек. Ну и брат. Мы с ним всегда были неразлейвода, и с таким другом никогда не приходилось скучать. Жаль, что он, назло маме, после школы поступил в экономический колледж — в моем универе такой парень точно бы не пропал. И мне не дал бы превратиться в серую тень, которой я стала.

Помню свой первый учебный день как сейчас. Совершенно неожиданным было оказаться вдруг на первом занятии, окруженной двумя десятками пар незнакомых глаз. Одногоруппники казались встревоженными не меньше, чем я. Все было новым, непонятным, но ужасно интересным.

Время шло, мы привыкали, втягивались в учебу, приглядывались друг к другу и находили точки соприкосновения. Вскоре образовались союзы по интересам, большие веселые компании и скромные междусобойчики. И как-то этот момент, видимо, прошел мимо меня, потому что в один прекрасный день

я вдруг обнаружила, что не принадлежу ни к одной касте из вновь образованных.

Несколько ботаников, сбившихся в кучку, еще как-то более-менее общались со мной, могли перекинуться парой слов, но только по делу: все же я числилась не самой тупой и даже могла подсказать им что-нибудь дельное. А вот неформалы огрызались, оказавшись в меньшинстве, они использовали агрессию как самый эффективный способ защиты: не трогай нас — не тронем и тебя.

Середнячки же тянулись к «звездам» — так я называла компанию Костыля. Детки вполне обеспеченных родителей, посещающие пары только ради ежедневной тусовки и общения. Не богатенькие моральные уроды, а просто уроды (по версии моего личного хит-парада отморозенных). Хамоватые, невоспитанные, зато с раздутым до небес самомнением. Еще бы, отпрыски уважаемых в городе людей, и потому избалованные, сытые и дорого одетые.

Почему их «альфу» все звали Костылем? Все просто. Этот дебил год назад умудрился на спор с Лысым выпрыгнуть из окна аудитории и сломал ногу (говоря же, недоумок). Две недели на растяжке, долгие месяцы реабилитации, и приросшие, казалось, почти намертво к подмышкам костыли. Кость со временем заросла, а прозвище осталось.

А почему Лысый? Потому, что этот тип пришел на первый курс с густой шапкой кучерявых волос, из-под которых не видно было даже его черных глаз. Смуглый, рослый, с ровным прямым носом — вылитый жгучий итальянец, он сразил всех наповал и своей внешностью, и прической. А прозвище — от противного, чтобы смешнее воспринималось. Видимо, по той же логике, по которой маленьких собачек кличут Гром или Цербер.

- Заставь меня влюбиться -

Самые красивые девочки, хорошо одетые мальчики — все они сразу потянулись друг к другу как к невидимому магниту. А я вот это разделение на могучие кучки проспала и осталась одна. Ну а позже просто привыкла.

Приходила, садилась тихонько на последний ряд и ныряла с головой в конспекты. Это стало моим способом медитации — записывать все, что говорили преподаватели. Слово в слово, точно стенографистка. Так можно было не отвлекаться на косые взгляды и недобрые перешептывания.

Сидишь себе, пишешь, никого не замечаешь вокруг. Переменка? Можно отдохнуть и порисовать. Громко, конечно, сказано «порисовать». Так, почеркать на полях или в блокноте. Пару забавных рожиц одноклассников, перевод песни для брата (чтобы он знал, о чем напевает под веселое треньканье на гитаре) и, разумеется, сердечки.

А как вы думали? Я же девочка. И все девчонки в моем возрасте мечтают о вполне себе взрослой любви. С прогулками вечером по темной аллее, обязательно за ручку и... как там в книжках? Ах да, с поцелуями.

Схватив в охапку сонного Крыся, посмеявшегося недовольно мяукнуть, я сунула его Пашке под одеяло. «Так ему!» Эффекта ждать пришлось недолго: голые пятки брата нервно задергались, затем из-под одеяла послышалось сонное мычание.

— Машка! — Его охрипший голос казался крайне раздраженным, что не могло меня не радовать. — Вот ты стерва...

— Я такая, да, — довольно хрюкнула я, натягивая носки.

— Крысь! — А это уже негодяю-коту, царапающему не в меру волосатые икры брательника. — Брысь! Иди уже отсюда, иди. Ы-ы-ы! Ма-а-аш, ну убери его?!

— И тебе доброго дня, Суриков!

Закрыла за собой дверь, чтобы кот не смог выбраться из комнаты и поддержал Пашкино пробуждение протяжным мяуканьем. Таким, как только он один умеет: громким, заунывным, максимально раздражающим. Усмехнулась и побежала к двери. Один мимолетный взгляд в зеркало. «Оп! Стоять. Это что, я вот так собралась выйти в люди? Ё-моё...»

Поработала пятерней, пытаюсь унять непокорный каштановый бунт на голове, и уныло вздохнула. Ничего не поделаешь, а мне с этим еще жить. Пара завершающих и вполне бесполезных штрихов расческой, цветная (да, детская, ну и что?) заколка. И хитрая улыбка.

Скользнула в любимые кеды, подогнула джинсы немного (так — для красоты), сняла с вешалки любимое кашемировое пальто нежно-кремового оттенка, на которое старательно копила несколько месяцев. Надела и закинула сумку на плечо. «Все равно чего-то не хватает». Напялила очки с круглыми стеклами персикового цвета.

Вот, теперь красotka. Никогда в таком прикиде не появлялась в универе. Так меня, пожалуй, и заметят.

Хотя оно мне надо? По фигу, вообще. Просто по ба-ра-ба-ну.

Можно идти. Закрыла дверь. Громко (мвуааахахаха!) и достаточно звонко, чтобы окончательно разбудить старшего (всего-то на пятнадцать минуточек) брата-лоботряса. А затем торопливо поскакала вниз через две ступеньки, усиленно пытаюсь сообразить, почему волосы одного и того же цвета и качества отлично смотрелись на голове парня по фамилии Суриков и совершенно нелепо торчали в разные стороны у меня. Шутница-природа, будь она неладна, и тут подвела!

- Заставь меня влюбиться -

«Сколько там у меня? Полчаса?» Поглядела на часы. Нет, уже двадцать минут осталось. «Проклятие!» В другой раз обязательно прошлась бы пешком, тщательно вымесив кедами весеннюю грязь. Но не сейчас. Пожалуй, стоит воспользоваться общественным транспортом. Вон, кстати, маршрутный автобус вырुлил из-за угла. О-очень кстати! Стой, стой!

Водитель притормозил и открыл двери, словно приглашая меня заскочить на ходу.

— В своем уме? — всплеснула руками, еле сдерживаясь, чтобы не показать ему в стекло неприличный жест. — Давай по-человечьи останавливайся!

«Тц-тц-тц». Старая развалюха, которой давно пора на свалку, со скрежетом проехала еще пару метров и замерла на остановке.

— Другое дело, — проворчала я, запрыгивая внутрь.

Оплатила проезд картой и ухватилась за поручень. Теперь успею к началу зачета по грамматике перевода. А он очень важен для меня, ведь его преподает сам Станислав Вячеславович. Мой Стас...

Нет-нет, конечно, педагог не догадывался, что он «мой». И что его как-то там зовут, пусть даже очень ласково, вроде Стас или Стасик. Но для меня он стал настоящим предметом обожания буквально с первого дня, стоило мне только его увидеть. Спутанные волосы, мягкие и кудрявые, совсем как у моего брата. Светло-русые, намеревающиеся захватить весь мир и густыми прядями спадающие на лицо. Глаза — грустные, серьезные, большие и темно-зеленые. Такие темные, что кажутся почти карими, но в свете солнечных лучей они загораются тысячами зеленых отблесков, сливающихся из маленьких искр в крупные яркие изумруды.

Высокий, всегда скромно, но со вкусом одетый и, что немаловажно, привлекательный мужчина лет сорока с хвостиком. Скажете, староват? Нет, совер-